

ДЕМОГРАФИЧЕСКИЕ ДИСКУССИИ

А.Г. ВИШНЕВСКИЙ

**После демографического перехода:
дивергенция, конвергенция
или разнообразие?***

Автор анализирует аргументы критиков теории демографического перехода. Показано, что наблюдаемые различия в демографических процессах разных стран не свидетельствуют об ошибочности этой теории. Напротив, данные различия вполне вписываются в общий тренд теории, предполагающий смену парадигмы высоких рождаемости и смертности на парадигму низких рождаемости и смертности. Они свидетельствуют лишь о естественности разнообразия демографических процессов в разных странах.

Ключевые слова: демография, демографический переход, теория демографического перехода, демографический прогноз.

The author analyzes the arguments of the critics of the theory of demographic transition. It is shown that the observed differences in demographic processes in different countries do not show the fallacy of this theory. On the contrary, these differences fit well into the general trend of the theory, suggesting a paradigm shift of high birth and death rates in the paradigm of low fertility and mortality. They only show the natural diversity of demographic processes in different countries.

Keywords: demography, demographic transition theory of demographic transition, the population projection.

География или история?

На протяжении двух последних столетий в демографическом бытии человечества произошли небывалые изменения, которые без преувеличения можно назвать сменой репродуктивной стратегии вида *Homo sapiens* [Вишневский, 2014]. Эти изменения получили название “демографической революции”, или (чаще употребляемый термин) “демографического перехода”. Речь идет о переходе от господствовавшего на протяжении всей человеческой истории равновесия высокой смертности и высокой рождаемости к новому равновесию низкой смертности и низкой рождаемости. Согласно не столь описательному и более емкому определению М. Ливи Баччи, «демографический переход может быть охарактеризован как изменение системы, как переход от “диссипативной” системы, связанной с потерей демографической энергии (высокие рождаемость и смертность), к системе, “экономизирующей” эту энергию (низкие рождаемость и смертность)” [Livi Bacci, 1995, p. 451].

* В статье использованы результаты исследований, выполнявшихся в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ–ВШЭ в 2013–2014 гг.

Интерес к изучению демографического перехода нарастал практически на протяжении всего XX в., и в 1960-е гг. уже было ясно, что “современная демография – это прежде всего наука о демографическом переходе”. П. Демени, которому принадлежат эти слова, подчеркивал высокий объяснительный потенциал изучения демографического перехода и выражал надежду, что его результаты “в конечном счете, сгустятся в теорию демографического перехода” [Demeny, 1968, p. 502].

Такое “сгущение”, безусловно, произошло, и даже если не считать, что теория демографического перехода уже приобрела завершенную форму (скорее всего, пока об этом говорить рано), сегодня это, несомненно, наиболее авторитетная, общепризнанная в демографии теоретическая концепция, парадигма, очень важная и для других ветвей социального знания. Как отмечалось во вводной статье к специальному выпуску журнала “Population and Development Review”, посвященному демографическому переходу, “смысл демографического перехода и то, как он происходил, дают многое для того, чтобы объяснить, как человеческое общество оказалось там, где оно находится сегодня. Различия в этом процессе также помогают объяснить различия в сегодняшнем мире. Так как переход – это глобальный феномен, тот факт, что различные части мира находятся на разных стадиях демографического перехода, помогает нам трассировать, по крайней мере частично, курс, которым будут следовать те, кто включился в этот переход относительно недавно. При прогнозировании будущего всегда неизбежны риски и неопределенность, но осмысление перехода как тропы перемен позволяет нам яснее понять контексты изменений, через которые предстоит пройти многим странам” [Lee, Reher, 2011, p. 2].

Парадигмальный статус теории демографического перехода не означает, однако, что у нее нет критиков, иногда весьма влиятельных, о чем мне уже приходилось писать (см. [Вишневский, 2012]). Критические голоса слышны в зарубежной литературе¹, в них нет недостатка и в отечественной, где есть давние критические традиции, идущие из советских времен, когда теория демографического перехода считалась “буржуазной”. Едва ли не самым трудным для советского научно-идеологического истеблишмента было признание универсальности этой теории. Как утверждал один из ее основоположников Д. Кирк, “с демографических позиций все страны могут рассматриваться как находящиеся на едином пути развития” [Kirk, 1944, p. 29]. Полвека спустя у него были основания утверждать, что переход действительно стал универсальным и “каждая страна может быть размещена на континууме перехода, как это было предсказано около 50 лет назад” [Kirk, 1996, p. 382]. Но у нас с таким взглядом, конечно, трудно было смириться даже после того, как советский “формационный” подход был перелицован в постсоветский “цивилизационный”. «Теория “демографического перехода” прежде всего не учитывает существующих цивилизационных различий в демографическом развитии различных народов, возводя в абсолют западные варианты истории цивилизации (переход от высокой рождаемости и высокой смертности к низкой смертности и низкой рождаемости, а значит, к более высокой средней продолжительности жизни человека)» [Крылова, 2008, с 141]. Вряд ли автор этих слов понимает, что говорит, но отрицательное отношение к теории демографического перехода налицо.

Однако не вся критика этой теории находится на столь низком уровне, и нельзя всякий раз ее отметать с порога. Теории парадигмального уровня, к числу которых относится и теория демографического перехода (ТДП), представляют ценнейшее достояние науки, однако это не значит, что они неприкасаемы. Если накапливается достаточно фактов, противоречащих теории, требуется ее пересмотр, сколь бы влиятельна она ни была. Поэтому, коль скоро появляются оспаривающие теорию аргументы, опирающиеся на факты, они должны быть рассмотрены.

В настоящей статье рассматриваются аргументы критиков ТДП, ставящие под сомнение ее универсальность на том основании, что в современном мире сохраня-

¹ Любопытный пример – статья французского автора, сравнивающего теорию демографического перехода с геоцентрической системой Птолемея [Marchal].

ются значительные межстрановые или межрегиональные различия демографических показателей. В них некоторые авторы усматривают опровержение ТДП, трактуют их как признаки “бифуркации” траекторий развития, дивергенции, противоречащей представлениям о конвергентном развитии в процессе перехода, и т.п. В наблюдаемых различиях они видят признаки методологической несостоятельности или устарелости самой ТДП, ограниченности свойственного ей номотетического (обобщающего) подхода. Отсюда требования дополнить его идеографическим подходом, позволяющим учесть особенности традиций, культуры, исторически сложившихся институциональных форм и т.п. [Француз, 2013].

По мнению ряда исследователей, наблюдаемые сегодня различия в уровне рождаемости постиндустриальных стран настолько велики, что дают основания говорить о параллельном сосуществовании в этих странах двух альтернативных режимов воспроизводства населения, причем такая трактовка объявляется более современной, противостоящей “более ранней” безальтернативной картине будущего у сторонников теории демографического перехода [Клупт, 2012^a, с. 66]. ТДП ставится под сомнение и потому, что “не объясняет сильные колебания рождаемости, особенно их восходящие фазы, как послевойенный беби-бум. А может, проще рассматривать динамику рождаемости как циклический процесс?” [Панкратов, Турчин, 2010]. “Циклическая” концепция (предложенная американским экономистом Р. Истерлином), хотя статистически она пока не подтверждена (“окончательный вердикт... пока еще не вынесен”), “действительно имеет преимущества перед конкурирующими теориями, так как объясняет не только статические корреляции, но и динамику процесса” [Панкратов, Турчин, 2010]. Неудивительно, что на фоне подобной критики появляются призывы к переносу центра тяжести на изучение локальных факторов, конкретных детерминант различных циклов и т.п., в конечном счете, к “замене теорий демографического **перехода**, конечная точка которого предполагается известной и общей для всех регионов мира, теорией демографических **изменений**, направление которых может варьироваться во времени и пространстве” [Клупт, 2005, с. 148].

Такая замена – это шаг вперед или шаг назад?

ТДП возникла как обобщение эмпирических наблюдений, фиксировавших огромное разнообразие демографических процессов, их казавшуюся бесконечной дифференциацию. Всегда существовали и привлекали внимание исследователей различия в демографических показателях между странами, внутри стран, между группами и слоями населения в зависимости от их благосостояния, культурной традиции, религиозной принадлежности, географических и климатических условий и т.д.

Попытки объяснения этих различий предпринимались давно, но долгое время не шли дальше довольно поверхностных констатаций. Скажем, исследователи добросовестно пытались объяснить различия в рождаемости в странах Европы, изучая связь уровня рождаемости с географической широтой, высотой над уровнем моря, плотностью населения и т.п. [Янсон, 1892, с. 200–201]. Подобные попытки не приносили ничего, кроме разочарований. “Имеются в некоторых государствах специальные исследования, поставившие себе целью выяснить зависимость рождаемости от географических особенностей при наличности одинаковых других условий. Но результаты этих исследований друг другу противоречат, и главное, предполагаемой одинаковости прочих условий в действительности не существует” [Янсон, 1892, с. 200].

Вот еще один пример рассуждения конца XIX в. “Некоторые авторы открыли грубое географическое распределение, именно: высшая рождаемость на востоке Европы (Россия и Венгрия); более низкая в центральной (Австрия, Пруссия, Германия и Италия); еще более низкая в северной (Великобритания, Норвегия и Швеция). Ирландия и Франция, по-видимому, представляют исключение. Очевидно, однако, что это распределение очень грубое, и общие социальные условия, вероятно, имеют больше влияния, чем климат или географическое положение. Влияние расы также, по-видимому, пересиливается влиянием общего социального состояния... Огромная рождаемость в России и восточных провинциях Пруссии указывает, по-видимому, на

большую плодovitость славянской расы. Но, по всей вероятности, и здесь действует социальное состояние, а не раса. Мы не можем указать разницу между германской или тевтонской и романской или латинской расами. Из представителей тевтонской Германия имеет высокую, Скандинавия и Англия низкую рождаемость. Из представителей романской Италия имеет высокую рождаемость, Франция – низкую” [Майо Смит, 1901, с. 77–78].

В конечном счете, исследователям так и не удалось найти объяснения внутриевропейских демографических различий. По-видимому, дело было не в несовершенстве исследовательских процедур, а в общей недооценке естественной вариативности любых процессов, всегда испытывающих влияние случайных факторов, обуславливающих часть вариации, не объясняемую ключевыми причинами.

Научный прорыв был совершен не тогда, когда исследователям удалось объяснить естественную вариативность демографических процессов, – это так и не было сделано. Ставшая таким прорывом ТДП появилась тогда, когда историческое развитие отодвинуло естественную “географическую” вариативность на задний план, породив новые, гораздо более важные различия, вытекающие из небывалых исторических изменений в самом ходе демографических процессов.

Считается, что первый, кто обратил внимание на эти новые различия, был американский демограф У. Томпсон. Он впервые сформулировал идею о том, что за наблюдавшимися изменениями и географическими различиями демографических показателей стоят не просто очередные временные колебания, каких было много в прошлом, не просто привычная неодинаковость поведения городских и сельских жителей и т.п. Он, как несколько позднее француз А. Ландри, первым заговорил о разных *типах* демографического поведения, о глубоких *качественных* различиях между ними, возникающих вследствие эпохальных исторических перемен и делающих количественные различия демографических характеристик между этими типами гораздо более значительными и важными, чем соответствующие различия внутри них [Thompson, 1929; Landry, 1934].

Томпсон в 1929 г. выделил три группы стран с разными типами воспроизводства населения:

- низкий естественный прирост населения вследствие низкой или снижающейся рождаемости при достаточно низком уровне смертности;
- высокий естественный прирост населения вследствие быстрого снижения смертности при медленном снижении рождаемости;
- естественный прирост: население испытывает колебания при отсутствии контроля рождаемости и смертности.

Возможно, он еще не отдавал себе ясного отчета в исторической природе описанной им типологии, а в каком-то смысле она была продолжением поисков “географических” оснований демографических различий. У него не было идеи перехода из одной группы стран в другую вследствие исторического развития. Его предсказания, оказавшиеся ошибочными, исходили из того, что рост населения разных стран будет определяться не внутренними законами развития демографической системы, а внешними по отношению к ней обстоятельствами, в частности способностью стран быстро увеличивать объем средств существования. Он говорил, например, что различия в средствах существования лежат в основе различий в темпах роста населения таких стран, как Индия, Япония и Россия. Причем не сомневался, что наименьшие перспективы роста населения у Индии, поскольку наименьшими были ее шансы обеспечить увеличение средств существования, более значительны они у Японии и особенно велики у России, “как благодаря наличию новых земель, пригодных для заселения, так и благодаря возможностям промышленного развития” [Thompson, 1929, с. 971].

Ландри тоже выделил три типа воспроизводства населения (примитивный, промежуточный и современный) и предполагал переход от промежуточного к современному типу. Само название его книги, вышедшей в 1934 г., “Демографическая революция” свидетельствовало об осознании каких-то фундаментальных перемен. В этом Ландри

даже опередил Томпсона: о появлении исторически нового “демографического режима” говорилось уже в его статье 1909 г. [Landry, 1909].

Обобщения Томпсона и Ландри положили начало концептуализации взглядов на современный этап мировой демографической эволюции, оформившихся впоследствии в ТДП. Термин “демографический переход” был предложен в 1945 г. американским демографом Ф. Ноутстайном [Notestein, 1945, p. 41] и получил широкое распространение для обозначения тех фундаментальных демографических сдвигов, которые Ландри называл “демографической революцией”. Главный вклад этого этапа развития теории был в осознании демографического перехода как универсального исторического процесса, что и отражено в цитированном выше утверждении Кирка, работавшего в созданном и возглавлявшемся Ноутстайном Центре демографических исследований Принстонского университета.

Достигнутый уровень обобщения дал основания еще одному американскому демографу Д. Коугилу утверждать в 1963 г., что в лице ТДП демография получила теорию среднего уровня (в смысле Р. Мертона), которая, по определению, обеспечивает истолкование наблюдаемых тенденций развития в рамках единой концепции [Cowgill, 1970, p. 633]. При всей важности этого признания, мне кажется, что если использовать трехуровневую концепцию социологического знания Мертона, то ТДП может претендовать и на более высокий уровень общей теории. Но это – отдельный вопрос, который я оставляю за рамками данной статьи. В центре ее внимания – вопрос о том, как постулаты ТДП соотносятся с представлениями о наблюдаемом разнообразии демографических ситуаций.

Траектории перехода

Прежде всего, как мне представляется, надо разграничить вопрос о сходстве или различиях *траекторий* перехода в разных странах или регионах и *предпереходных* или *постпереходных состояний* в его начальных и конечных точках. Начнем с вопроса о траекториях. Едва ли признание универсальности демографического перехода как ответа на нарушение демографического равновесия тождественно представлению о полной одинаковости траекторий, по которым движутся совершающие такой переход общества. Во всяком случае, никто из теоретиков перехода ничего подобного не говорил. Более того, само представление о переходе как едином пути развития предполагает, что разные группы населения, регионы, страны и т.д. начинают движение по этому пути с разных исходных позиций, это происходит в разное время и в разных исторических обстоятельствах, само движение испытывает влияние разных культурных контекстов и потому заведомо не может быть одинаковым.

В частности, хорошо известны различия между пионерным (эндогенным) и догоняющим развитием. Последнее опирается на заимствование чужого опыта, чужих социальных и технологических инноваций, что может и даже, видимо, должно приводить к нарушению последовательности этапов перехода и другим отклонениям от “классической” модели. С точки зрения критиков ТДП, из нее вытекает, что демографические инновации “могут: (а) возникать только на мировом Севере и (б) непременно должны охватывать затем весь мир. Оба предположения не оправдались” [Клупт, 2012⁶, с. 589], стало быть, теория неверна. Мне же представляется, что таких предположений в теории не содержится, и она в них не нуждается. Китайская политика “одна семья – один ребенок” не была западной инновацией и не распространилась на весь мир. Но это был один из возможных путей массового перехода к внутрисемейному контролю рождаемости, предсказанного теорией, что скорее подтверждает, чем опровергает предсказания теории и ее универсальность.

Помимо прочего, диверсификация траекторий перехода легко прогнозируема хотя бы потому, что изначально ясно существование нескольких возможных ответов на нарушение демографического равновесия в результате устойчивого снижения смертности, в чем и заключается смысл демографического перехода. К восстановлению

утраченного равновесия могут вести изменения в брачности, рождаемости и миграции [Livi Bacci, 1995] в бесчисленных вариантах их сочетаний между собой. Таким образом, существование совершенно одинаковых траекторий демографического перехода маловероятно даже в исторически и культурно близких, соседних странах, а уж когда речь идет о странах, географически удаленных и находящихся на разных этапах исторического развития, об этом не приходится даже говорить. Тем не менее, двигаясь разными, часто очень непохожими путями, все страны, все регионы, все слои населения за очень короткое, по историческим масштабам, время переходят от сохранявшейся тысячелетиями общей для всех ситуации высокой смертности и высокой рождаемости к совершенно новой, но тоже общей для всех, ситуации низкой смертности и низкой рождаемости. Это и называется “демографическим переходом”.

Допереходные и постпереходные состояния

Это рассуждение подводит нас ко второму вопросу – о сходстве и различии допереходных или постпереходных *состояний*. ТДП действительно исходит из предпосылки, что ситуации “высокая смертность – высокая рождаемость” до перехода, так же, как “низкая смертность – низкая рождаемость” после перехода, – “общие для всех”. Такая общность предопределяет определенное сходство демографических показателей, за которым стоит и сходство социальных механизмов, регулирующих демографические процессы. Однако понятно и то, что такое сходство не идет дальше *однотипности* и показателей, и социальных механизмов, а отнюдь не означает их полной одинаковости, отсутствия какой-либо варибельности. Разнообразие как неотъемлемая черта сложных систем всегда присуща всем проявлениям и социального, и демографического. Это относится в равной степени к показателям и механизмам регулирования рождаемости, которые сейчас привлекают наибольшее внимание критиков ТДП.

Оживление их позиции связано с интерпретацией новейших тенденций динамики коэффициента суммарной рождаемости в развитых странах. Его повышение и возвращение в некоторых из этих стран к уровню, близкому к уровню простого воспроизводства, полагают некоторые авторы, дает достаточно очевидные эмпирические основания говорить о появлении “нового аттрактора рождаемости”, а значит, и альтернативных режимов рождаемости, что якобы вступает в противоречие с основными посылами теории демографического перехода. “Теории перехода склонны трактовать будущее демографическое развитие мирового Севера как конвергентное... Продуктивнее рассматривать его как борьбу альтернатив, которая может иметь, по меньшей мере, три исхода – стягивание к высокому аттрактору, низкому аттрактору и сохранение нынешних различий”. Дальнейшее развитие этой мысли ведет к выводу о том, что в ТДП “альтернативность глобального развития сводится к некоторой региональной вариации вокруг основного тренда”, а “демографическая история предстает в таких теориях процессом с заранее известным (сторонникам теории) финалом”, тогда как, согласно альтернативному подходу, возможно возникновение новых региональных феноменов, и “регионы, таким образом, оказываются источниками и носителями альтернативности истории” [Клупт, 2012⁶, с. 592, 590]. Перед лицом столь серьезного вывода стоит внимательнее присмотреться к различиям показателей в постиндустриальных странах, которые дали основание для обнаружения в них разных “аттракторов рождаемости”.

Слушая критиков ТДП, можно подумать, что ее сторонники ничего не знают о разнообразии постпереходных ситуаций или стараются их не замечать. Обнаружение различий в новейших тенденциях рождаемости представляется как некое открытие, будто таких различий не существовало прежде и о них никто не знал. “Итоговое число рожденных детей в когорте женщин 1965 г. рождения, – пишет Клупт, – в США (2,07), Норвегии (2,06) Австралии (2,03) и Франции (2,02) разительно контрастирует, например, с Италией (1,49) и Испанией (1,59). Гипотеза о том, что в современном развитом мире существуют не один, а два аттрактора рождаемости опирается, таким образом, на достаточно очевидные эмпирические основания” [Клупт, 2012⁶, с. 591].

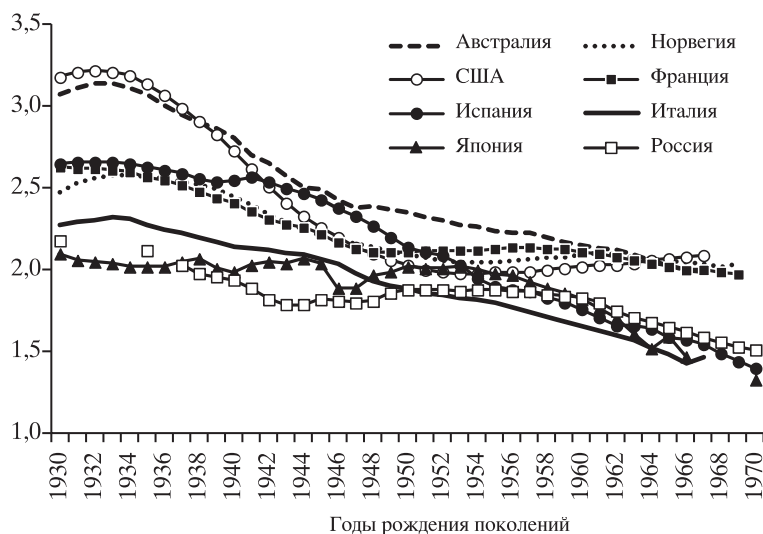

Рис. 1. Итоговая рождаемость женских поколений.

Источник: База данных Института демографии НИУ–ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/app/app40ctfr.php>).

На рисунке 1 представлена итоговая рождаемость женщин, начиная с поколений 1930 г. рождения, достигавших возраста материнства в послевоенные десятилетия, а к странам, названным Клуэтом, добавлены Россия и Япония.

На глаз видно, что различия существовали всегда, а сейчас они, скорее, сокращаются, нежели увеличиваются. График в его правой части действительно наводит на мысль о двух “аттракторах”, хотя и в пределах очень ограниченного диапазона различий. Однако и такие “аттракторы” – скорее всего артефакт, созданный искусственным отбором стран. Если взять их более полный список, то никаких особых точек притяжения не обнаруживается. Скорее, можно говорить о непрерывном континууме (см. рис. 2).

Уровни рождаемости в европейских странах сильно различаются и на ранних, и на поздних стадиях перехода, но в их ранжировании тогда и теперь трудно заметить какую-либо преемственность, требующую объяснения специфическими факторами, институциональными особенностями и т.п. Утверждение, что “рождаемость обнаруживает существенную зависимость от предшествующего развития: “лидеры” и “аутсайдеры” редко меняются местами” [Клуэ, 2012^a, с. 70], при его проверке на достаточно длительном периоде наблюдения, позволяющем учесть и “предшествующее развитие”, не подтверждается фактами. Франция, на протяжении всего XIX в. бывшая европейским аутсайдером, в XX в. вышла в лидеры, тогда как Россия, еще в начале XX в. имевшая самую высокую в Европе рождаемость, давно уже опустилась существенно ниже Франции. Рождаемость поколения итальянцев, родившихся в 1910 г., была близка ко все еще высокой рождаемости соответствующего поколения россиян и тогда намного превосходила рождаемость шведок. Сейчас разрыв между числом детей у женщин, родившихся в Италии и Швеции в конце 1960-х гг., почти такой же, каким был у поколений 1910 г. рождения, но только на этот раз в пользу Швеции (см. рис. 3).

Вопрос о том, до какой степени ТДП должна учитывать локальную специфику, отражающую региональные или культурные особенности, не нов. Назойливые напоминания о связи этой теории с теориями модернизации, “для которых направление истории абсолютно очевидно”, и ее привязанности к “изначально заданному, “каноническому” списку детерминантов демографического развития” [Клуэ, 2005,

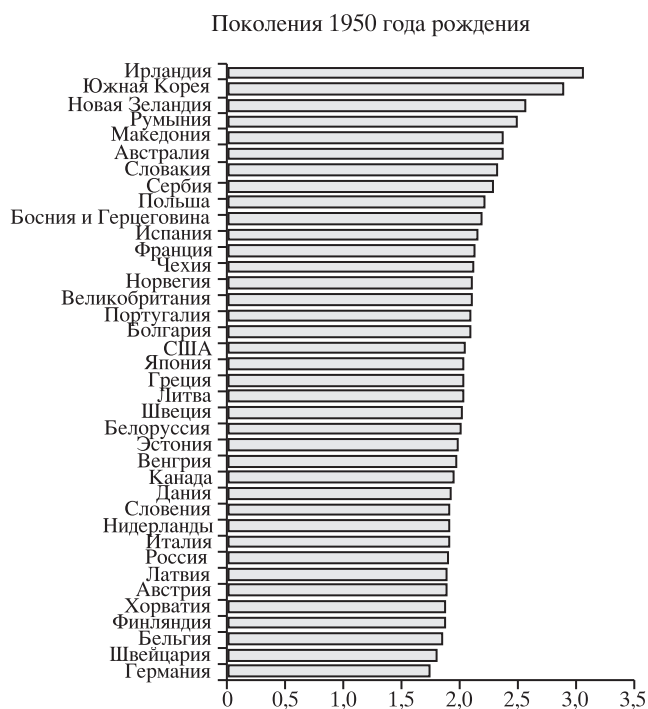
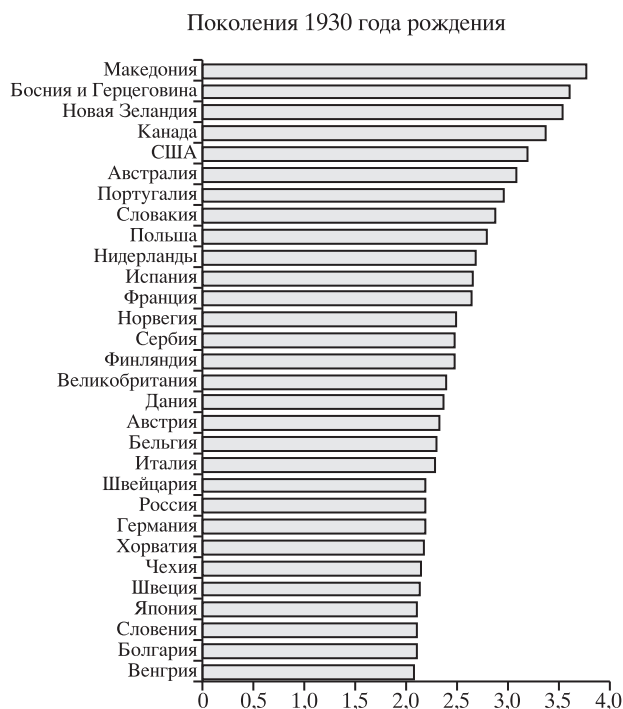

Рис. 2. Итоговая рождаемость женских поколений 1930, 1950 и 1969/1970 гг. в некоторых странах (детей на 1 женщину).

Источник: База данных Института демографии НИУ–ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/app/app40ctfr.php>).

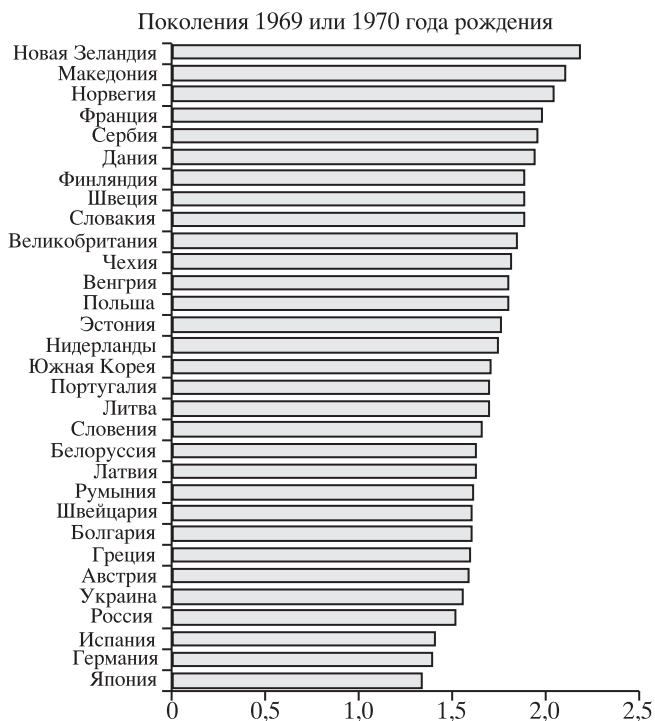

Рис. 2. Окончание.

с. 145–146], в силу чего она недооценивает локальное своеобразие социальных и культурных институтов, оказывающих влияние на демографическое развитие, бездоказательны и, к тому же, игнорируют уже высказывавшиеся по этому поводу соображения при более ранних обсуждениях.

Например, Ливи Баччи описывал, по сути, ту же ситуацию, что и Клупт: “Традиционные индикаторы модернизации – важные для теории демографического перехода – не позволяли объяснить значительную часть различий в ситуации. Это необъясненная часть нередко интерпретировалась как досадный пробел в знании... Нужны – говорили в этом случае – значащие индикаторы, которые позволили бы заполнить пробел”. Эти значащие индикаторы пытались найти, обращаясь к понятию “регион-культура”. “Местный колорит и пейзаж, диалект или язык, иногда религия, издавна общие история и традиции ассоциируются с понятием регион-культура” [Livi Bacci, 1995, p. 456].

Ливи Баччи не отрицал, что во многих случаях многофакторный анализ действительно позволяет обнаружить признаки влияния “региона”. Однако он совершенно справедливо задавался вопросом о научной ценности такого рода находок. “Предположим, – писал он, – что некий идеальный набор индикаторов позволяет нам с точностью описать-предвидеть переход; предположим, что для этого мы используем большое количество индикаторов (дающих различные объяснения – экономические, социальные, культурные...) и что необъясненные различия будут равны нулю: будем ли мы знать больше о переходе? Мы, конечно, объяснили бы его полностью, но, введя “все” факторы изменений, мы получили бы результат, не имеющий никакой объяснительной ценности... Простая статистическая игра, доведенная до крайности, становится бесполезной” [Livi Bacci, 1995, p. 456–457]. Между тем сторонники ТДП всегда подчеркивают ее “полезность”, практическую ценность, хотя это вовсе не означает, что истинность и практическая ценность теории, указывающей “тропу перемен”, должна постоянно проверяться и подтверждаться на каждом сантиметре этой тропы, на каждой ее извилине, чего нередко ожидают не только критики теории, но и ее сторонники.

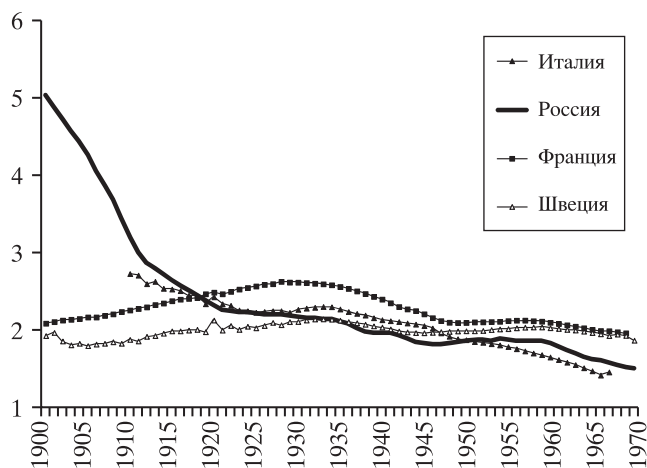

Рис. 3. Итоговая рождаемость женских поколений 1900–1970 гг. рождения в четырех странах (детей на 1 женщину).

Источники: База института демографии НИУ–ВШЭ (<http://demoscope.ru/weekly/app/ app40ctfr.php>) [Festy, 1979].

Прогноз или прокрустово ложе?

Одно из главных оснований практического интереса к теории демографического перехода заключается в том, что она дает основания для прогнозирования будущих демографических тенденций, хотя и в самом общем виде. Она позволяет понять смысл происходящих на определенном этапе истории демографических изменений как перехода к новой, наиболее эффективной стратегии воспроизводства человеческих популяций через нарушение и восстановление демографического равновесия, и только в этом смысле она указывает на “конечную точку, которая предполагается известной и общей для всех регионов мира” [Клупт, 2005, с. 148], подобно тому, как стрелка компаса всегда указывает на север.

Следуя логике ТДП, строятся, в частности, демографические прогнозы ООН. Они опираются, разумеется, не только на теорию, но и на эмпирические наблюдения, которые в целом совпадают с предсказаниями теории, – но именно только в целом. В той мере, в какой речь идет об общем направлении изменений, прогнозы ООН полностью оправдываются. Глобальные демографические изменения последних 50–60 лет свидетельствуют, что, несмотря на существенные региональные различия, эти изменения следуют основным предсказаниям ТДП. Все страны с той или иной скоростью проходят фазу снижения смертности, которая нарушает тысячелетнее равновесие высокой смертности и высокой рождаемости, а затем, стремясь к восстановлению нарушенного равновесия, вступают в фазу снижения рождаемости. Асинхронность этих двух фаз приводит к демографическому взрыву, который, по мере завершения перехода к новому равновесию, рано или поздно сходит на нет. То, что в начале 1950-х гг. могло казаться спорным прогнозом, в основном реализовалось. Ожидаемая продолжительность жизни во всех регионах мира, в том числе и самых отсталых, выросла и продолжает расти, и почти все страны ответили на снижение смертности снижением рождаемости, иногда очень значительным (см. рис. 4).

Характерным примером соответствия фактической динамики рождаемости предсказаниям теории демографического перехода может служить Ближний Восток (см. рис. 5). В середине прошлого века в этом регионе лишь Израиль выделялся относительно низкой рождаемостью. С тех пор она снизилась в Израиле, но сейчас большинство

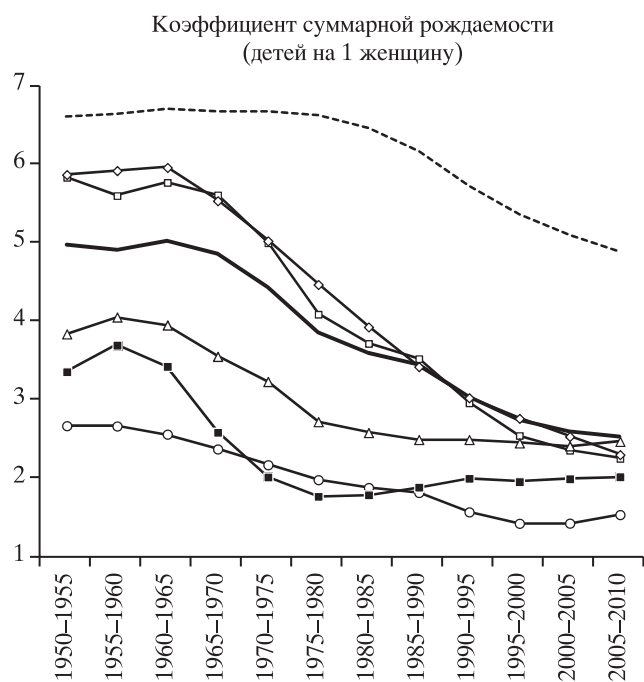
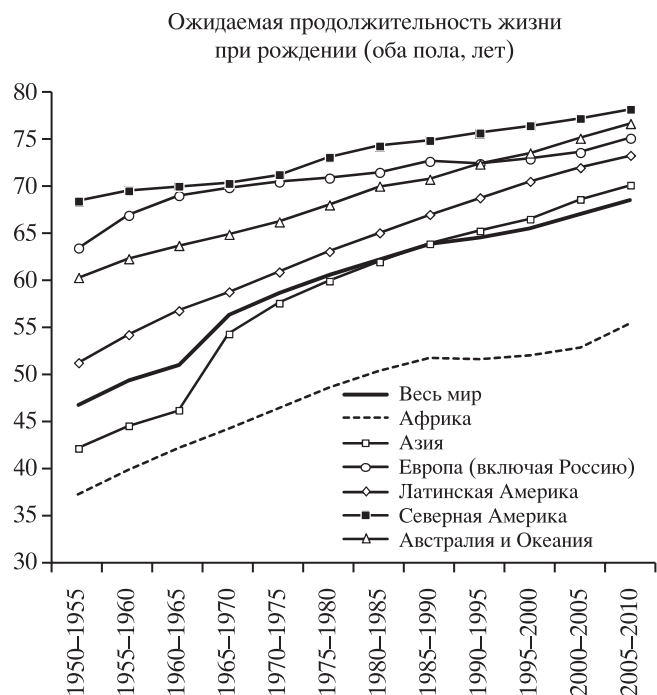

Рис. 4. Ожидаемая продолжительность жизни при рождении и коэффициент суммарной рождаемости в разных регионах мира, 1950–2100 гг. (2010–2100 гг. – средний вариант прогноза ООН).

Источник: [World... 2013; MORT/7-1; FERT/4].

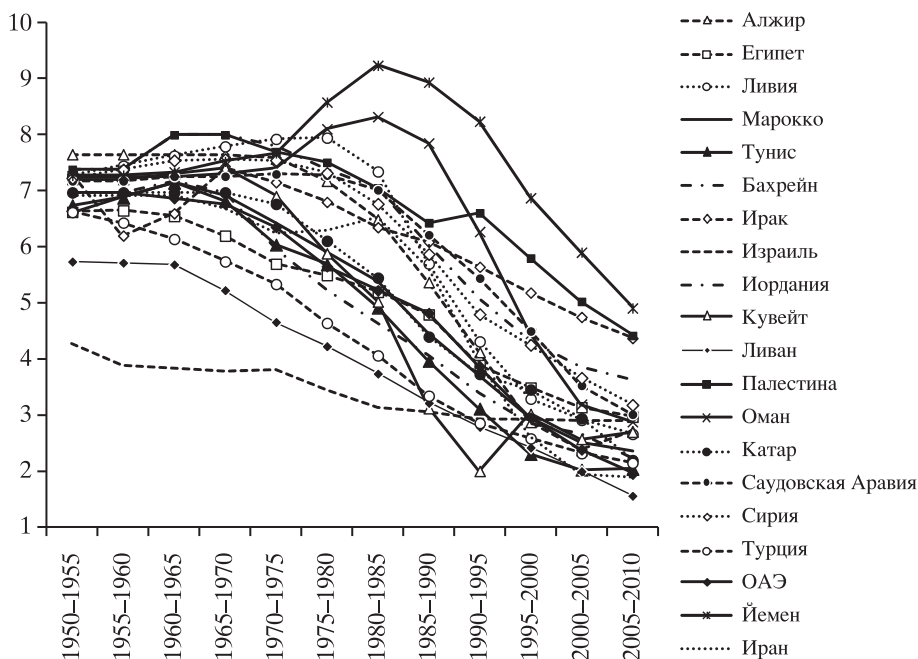

Рис. 5. Коэффициент суммарной рождаемости в некоторых арабских странах и странах Ближнего Востока.

Источник: [World... 2013; FERT/4].

стран региона имеют рождаемость, более низкую, чем Израиль. За 60 лет большинство стран переместилось из зоны значений коэффициента суммарной рождаемости 6–7 рождений на одну женщину в зону значений 2–3 рождения и даже ниже. Самый низкий в этой группе стран уровень рождаемости – в Ливане и Иране. Традиционного прокреативного поведения больше не существует ни в Иране, ни в большинстве арабских стран. Его последним прибежищем в мире остается тропическая Африка, но и там оно едва ли долго удержится.

В итоге повсеместно идущего снижения рождаемости уже сейчас нетто-коэффициент воспроизводства населения опустился ниже уровня простого замещения поколений не только в Европе и Северной Америке, но даже в Азии (см. рис. 6), хотя пока и не во всех азиатских странах. Рост численности населения этого наиболее многолюдного континента (60% мирового населения в 2010 г.) замедляется и, согласно вариантам средней, а тем более низкой рождаемости последнего прогноза ООН, во второй половине XXI в. оно начнет сокращаться.

Таким образом, до тех пор, пока речь идет об *общем направлении* движения, наблюдающиеся изменения подтверждают истинность ТДП и оправдывают ее использование при разработке демографических прогнозов, в том числе прогнозов рождаемости. Однако иногда от теории требуют большего. В частности, как мы видели, критики ТДП приписывают ей претензии на то, что она указывает на “конечную точку” перехода, “которая предполагается известной и общей для всех регионов мира”. Вместе с тем нередко ссылаясь на теорию пытаются оправдать свои представления об общей для всех “конечной точке” и сторонники ТДП. Мне же представляется, что попытки навязать теории воображаемую способность предсказания *точных конечных значений* показателей рождаемости для всех стран и регионов, а тем более требование *одинаковости* этих значений едва ли оправданы и могут привести к насилию над теорией и ее дискредитации.

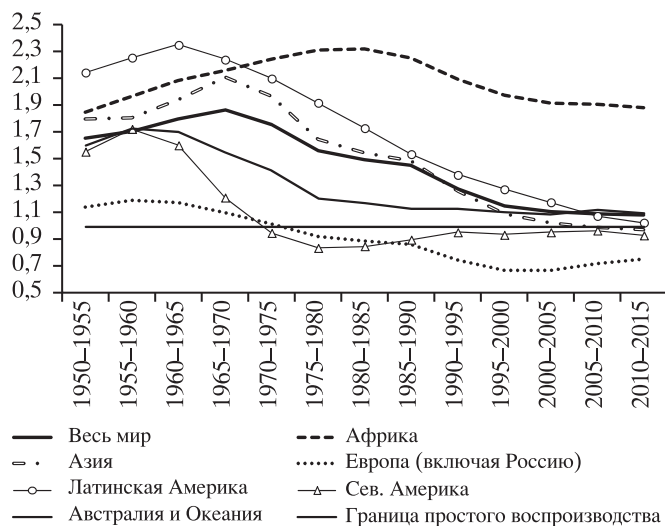

Рис. 6. Нетто-коэффициент воспроизводства населения в разных регионах мира (1950–2015 гг.).

Источник: [World... 2013; FERT/5].

Подобные попытки еще можно понять, когда речь идет о разработке демографических прогнозов ООН. Эти прогнозы, составляющиеся с 1951 г., всегда исходили из того, что предсказанное теорией возвращение к глобальному демографическому равновесию приведет, в конечном счете, к приближению всех стран к одному и тому же значению коэффициента суммарной рождаемости, соответствующему требованию стационарности мирового населения. Так как прогнозы ООН каждые два года корректируются с учетом реально наблюдающихся тенденций, падение рождаемости в развитых странах в 1980–1990-е гг. значительно ниже уровня простого воспроизводства населения заставило авторов прогноза усомниться в достижимости мировым населением стационарного состояния на третьей, заключительной стадии перехода и понизить прогноз “конечного” коэффициента суммарной рождаемости (КСР) с 2,07 до 1,86. Правда, очень скоро – в ответ на наметившийся рост показателя в развитых странах, но, возможно, и исходя из стремления снова привести прогноз в большее соответствие с теорией, – он опять был повышен до 2,07. Этот вопрос рассматривается, в частности, Б. Андерсон. “В модели до 2004 г., – пишет она, – на третьей стадии КСР колебался вокруг уровня простого замещения поколений. В 2004–2008 гг. на третьей стадии он колебался вокруг значения 1,86. В 2010 г. на третьей стадии КСР подросток до уровня простого замещения, в то время как модель 2012 г. допускала различные варианты изменения КСР на третьей стадии” [Андерсон, 2014, с. 74].

Таким образом, даже опирающееся на ТДП предсказание “конечных значений” в прогнозе ООН не означает полной безальтернативности. Речь всегда идет не о полном совпадении этих значений во всех странах, а об асимптотическом приближении к некоторому уровню и о колебаниях показателей вокруг него, что никак не противоречит теории.

Учитывая специфику глобального прогноза, масштаб этих колебаний, отклонений от “конечного уровня”, не так уж важен. Такой прогноз предполагает столь высокую степень обобщения и столь долгосрочную перспективу, что особенности каждой страны становятся несущественными и не могут серьезно повлиять на его общие результаты. Речь идет об укрупненной схеме, дающей представление о направлении и скорости демографических изменений на мировом уровне, но не претендующей на предсказание точных результатов для каждой страны. В той мере, в какой показатели

по отдельным странам все же присутствуют в прогнозе, они имеют значение не более чем правдоподобных, но все же приблизительных и усредненных иллюстраций будущего, которые совсем не обязательно совпадают с прогнозами, выполняемыми на национальном уровне.

При прогнозировании рождаемости для отдельной страны или группы однотипных стран и на более короткий период дело обстоит иначе. Хотя общие закономерности необходимо учитывать и в этом случае, приходится считаться также со страновыми и региональными особенностями, от которых как раз и зависят возможные колебания “конечных значений” и траектории движения к ним. Как отличить такие колебания в рамках однонаправленного движения от “альтернативных вариантов”? Здесь ссылок на ТДП – как ее сторонников, так и критиков – недостаточно, а сами такие ссылки часто выглядят как спекуляция, игнорирующая границы возможного применения теории. С этим ограничением столкнулись, в частности, разработчики демографических прогнозов для Европейского союза, в связи с чем им пришлось более обстоятельно задуматься над вопросом о масштабах и природе конвергенции и дивергенции постпереходных демографических показателей.

Хотя Клупт и говорит об очень больших различиях в показателях европейской рождаемости – в его примере от 1,32 в Португалии до 2,07 в Ирландии [Клупт, 2012^a, с. 67], на самом деле они не столь уж велики, намного меньше, например, чем было в 1950 г. (от 2,00 в Латвии до 4,56 в Боснии и Герцеговине – <http://demoscope.ru/weekly/app/app4007.php>). Даже когда размах вариации коэффициента суммарной рождаемости в странах Евросоюза достигает 0,8–0,9 ребенка на одну женщину, он не идет ни в какое сравнение с размахом вариации на глобальном уровне – 6,0–6,5 ребенка. И именно теория демографического перехода подсказывает, что во втором случае речь идет не просто о количественных различиях в числе рождений, а об абсолютном несхождении двух *типов* рождаемости – до- и послепереходного, свойственных им социокультурных механизмов, контролирующих прокреативную мотивацию и прокреативное поведение. В этом смысле, скажем, большинство европейцев и большинство африканцев говорят пока на совершенно разных языках, или, может быть, точнее, – на языках совершенно разных культурных кодов.

Когда же речь идет о внутриевропейских различиях, то эти различия внутри одного типа, большинство европейцев (как, впрочем, и жителей других постпереходных стран) живут в пространстве общих культурных кодов, определяющих прокреативное поведение, и в этом смысле говорят на одном языке. Можно долго спорить, почему 100 французенок имеют на 40 или 50 рождений больше, чем 100 немок. Но то, что и французенки, и немки в равной степени практикуют внутрисемейное регулирование деторождения, пользуются одними и теми же способами такого регулирования, одинаково смотрят на право родителей решать вопрос о том, сколько и когда иметь детей, и т.д., едва ли способно вызвать сомнения у кого-либо.

Остается вопрос о постпереходных количественных различиях в рождаемости. О чем они говорят: о колебаниях, о естественном статистическом разбросе в рамках однонаправленного движения или об альтернативах, о движении в разном направлении или с разными скоростями? Замечу, что этот вопрос вообще не может быть главным, когда речь идет о понимании такого глубинного социального процесса, как демографический переход. Главное в данном случае – именно изменение типа демографического поведения, признание права на индивидуальный прокреативный выбор, а не то, каков конкретно этот выбор у тех или иных групп населения. Но коль скоро внимание все время фиксируется именно на количественных различиях, остановимся на них и мы.

Уже из рисунков 1 и 2 видно, что дивергенция показателей рождаемости в европейских странах, постулируемая некоторыми российскими авторами, едва ли имела место в действительности. Об этом говорит и специально выполненный анализ гипотез, которые могли бы быть использованы при прогнозировании рождаемости в странах Европейского союза. Первоначальные предположения заключались в том, что

сближение показателей рождаемости по мере завершения перехода характерно для всех европейских стран, независимо от того, входят они в состав ЕС или нет, а также в том, что вхождение в ЕС дает дополнительный импульс такому сближению, благодаря общей политике, направленной на всестороннюю конвергенцию стран-членов Союза. При этом отмечалось, что “идея конвергенции встроена в теорию демографического перехода” [Lanzieri, 2010, p. 137–138].

В качестве переменных, характеризующих рождаемость, были рассмотрены коэффициент суммарной рождаемости (КСР) и средний возраст матери (СВМ) для 27 стран-членов ЕС за 30 лет (1977–2007). Как показал анализ, коэффициент вариации значений КСР до начала 1990-х гг. уменьшался, сократившись за это время на четверть, а затем стабилизировался, тогда как коэффициент вариации СВМ сначала нарастал, но, начиная с 1993 г., стал сокращаться, опустившись к 2007 г. ниже уровня 1977 г. [Lanzieri, 2010, p. 143]. Эти показатели характеризуют так называемую сигма-конвергенцию, они говорят об уменьшении вариации со временем, что уже само по себе противоречит представлениям о появлении каких-то новых аттракторов. Но эти показатели не дают представления о скорости сближения или отдаления переменных и факторах, от которых эта скорость зависит. Такое представление можно получить, обратившись к анализу бета-конвергенции – абсолютной или условной.

Абсолютная бета-конвергенция показывает, как скорость сближения показателей связана с их исходным уровнем. Если сближение определяется движением в одном направлении (такова, в частности, стандартная ситуация догоняющего развития), а связь отрицательна (чем больше разрыв между “передовыми” и “догоняющими”, тем выше скорость сближения), то это и означает наличие абсолютной бета-конвергенции. В случае 27 стран-членов ЕС наличие бета-конвергенции, опять-таки в противоречии с представлениями о появлении нового аттрактора, подтверждается как для КСР, так и хотя в меньшей степени, для СВМ [Lanzieri, 2010, p. 143–144]. Правда, как отмечает Дж. Ланциери, ситуация осложняется тем, что оба рассматриваемых показателя (КСР и СВМ) не всегда изменялись в одном направлении.

Условная бета-конвергенция отличается от абсолютной тем, что, помимо исходного уровня анализируемых показателей, учитывает также действие дополнительных факторов, например политики, способной ускорять или замедлять движение в направлении конвергенции. В цитируемой работе Ланциери условная конвергенция не рассматривается, но сделана попытка оценить влияние на движение в направлении конвергенции рождаемости факта вступления стран в ЕС. Предполагалось, что вхождение стран в зону действия общей конвергентно ориентированной политики Европейского союза должно способствовать и конвергенции рождаемости за счет приближения показателей входивших в ЕС стран к тем, которые уже наблюдались у старых членов Союза. Однако подтвердить это предположение не удалось.

Одно из возможных объяснений данной неудачи Ланциери видит в том, что прошло недостаточно времени, чтобы влияние способствующей конвергенции атмосферы Евросоюза сказалось на рождаемости. Но более оправданным мне представляется другое предложенное им объяснение: “Вариабельность может быть уже настолько низкой, что ее дальнейшего сокращения трудно достичь. Есть некий порог, ниже которого страны можно считать, по крайней мере частично, достигшими конвергенции” [Lanzieri, 2010, p. 148]. Иными словами, здесь высказывается, пусть и в форме предположения, мысль о том, что граница конвергенции уже достигнута, но даже и при максимально возможной конвергенции различия все-таки сохраняются.

Эти непреодолимые различия, так волнующие некоторых демографов, в свое время очень интересовали Прокруста. Ему казалось, что разница в росте людей – какой-то беспорядок, который он и пытался устранить доступными ему методами. Мне кажется, что в мифе о Прокрусте как раз и высмеяна идиотичность требования всеобщей одинаковости. Видимо, древним уже было ясно, что разнообразие – неотъемлемый атрибут жизни: в мире нет двух одинаковых рек, двух одинаковых деревьев, двух одинаковых людей. “Нормальное распределение” количественных характеристик любых

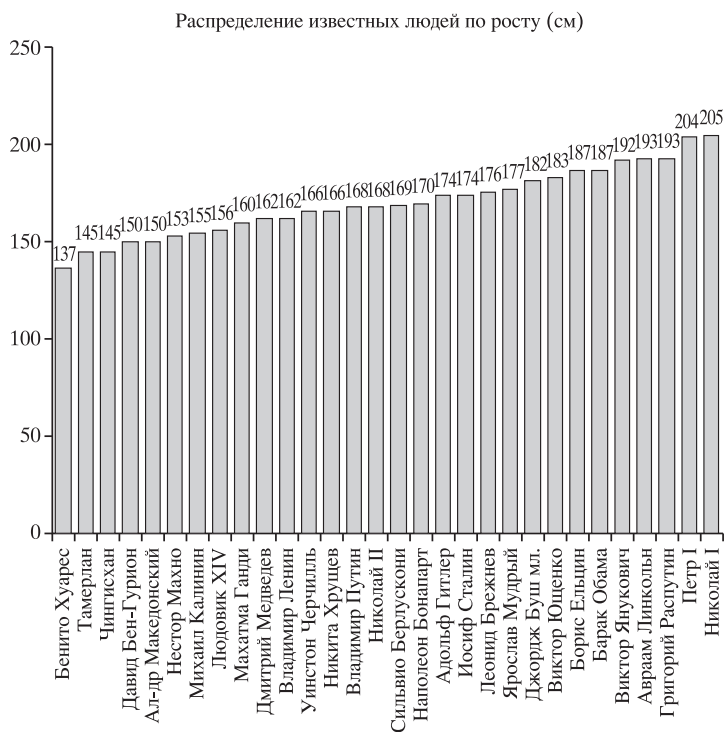
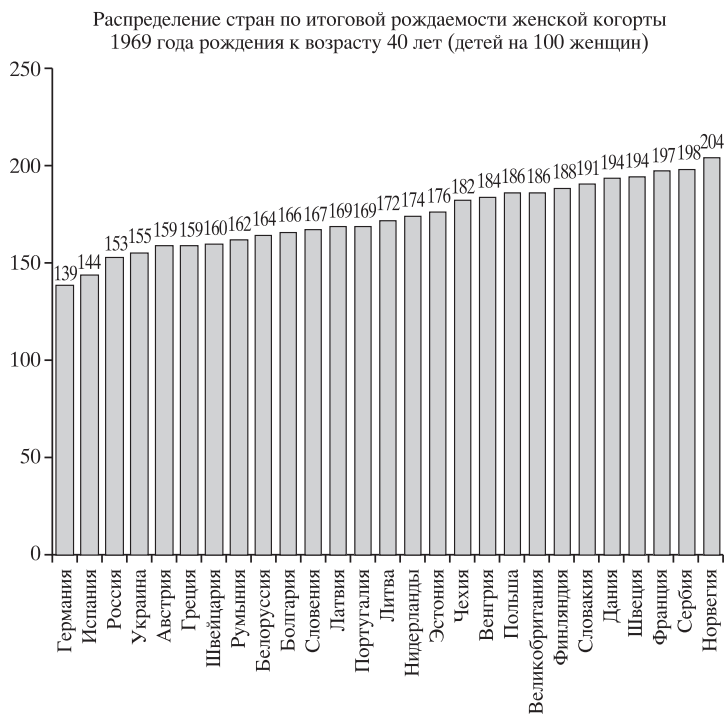

Рис. 7. Ранжирование стран по итоговой рождаемости женской когорты 1969 г. рождения и известных людей по росту.

Источники: для верхней панели графика – База данных института демографии НИУ–ВШЭ; для нижней панели – сайт <http://www.polezno.com/interesno/46>.

нерукотворных объектов – само по себе закон природы, оно не нуждается в объяснении в каждом отдельном случае. Все понимают, что люди бывают разного роста, разного телосложения, разных способностей, но эти различия привлекают внимание только в случае патологического отклонения от нормы. На рисунке 7 представлены два практически неотличимых по внешнему виду ранжированных ряда – 29 стран, в основном европейских, по итоговой рождаемости женской когорты 1969 г. рождения к 2009 г., то есть к возрасту 40 лет, когда деторождение в основном заканчивается, и 30 известных политических деятелей по росту.

Никому (кроме, может быть, Прокруста) не придет в голову искать “альтернативные варианты развития”, “разные аттракторы” и т.п. на нижнем графике, всем понятно, что речь идет об обычной вариации в рамках нормы. Это не исключает того, что в каждом отдельном случае можно предположить какие-то объяснения – генетические или другие – высокого, низкого или среднего роста того или иного человека, попытаться исследовать каждый отдельный случай и т.п. Но при этом изначально ясно, что все случаи укладываются в норму, находятся в пределах естественной вариативности и едва ли могут служить причиной чьей-либо озабоченности. Почему тогда столь же естественная вариативность на левой панели графика должна вызывать пристальное внимание теоретиков-демографов? Это внимание было бы легче понять, если бы речь шла о политиках, желающих, например, повторить успехи соседней страны, и можно понять проведение политики, направленной (не всегда успешно) на достижение такого результата. Но независимо от того, принесет такая политика плоды или нет, речь будет идти о каких-то подвижках в рамках одного и того же исторического типа рождаемости, созданного демографическим переходом.

Приписывание ТДП представлений об абсолютной одинаковости конечного результата для всех стран, регионов и т.п. примитивизирует теорию и придает видимость обоснованности ее критики. На самом деле, теория не содержит послышки “конечной одинаковости”, изначально ясно, что демографический переход – это, в том числе, и переход от одного типа пространственно-временного разнообразия демографических показателей к другому. Наверное, новое разнообразие заслуживает внимания исследователей, более глубокого осмысления, в том числе и в контексте его сравнения с допереходным разнообразием; такое сравнение будет, скорее всего, в пользу нового разнообразия. Но в любом случае, это осмысление высветит еще какие-то грани демографического перехода и приведет к углублению теории, а отнюдь не к отказу от нее.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Андерсон Б. Прогнозирование низкой рождаемости: размышления по поводу правдоподобия и применения гипотез // Демографическое обозрение. 2014. № 1 (<http://demreview.hse.ru/data/2014/07/15/1312456887/3>).

Вишневский А.Г. Демографическая революция меняет репродуктивную стратегию вида *Homo sapiens* // Демографическое обозрение. 2014. № 1.

Вишневский А.Г. Есть ли альтернативы у безальтернативного? // Общественные науки и современность. 2012. № 2.

Клупт М.А. Демографическое развитие как многоальтернативный процесс: роль регионов // Демографическое развитие: вызовы глобализации (VII Валентеевские чтения). Международная конференция, Москва, Россия, 15–17 сентября 2012 г. Материалы. М., 2012⁶.

Клупт М.А. Региональные альтернативы глобального демографического развития // Общественные науки и современность. 2012^а. №2.

Клупт М.А. Теория демографического развития: институциональная перспектива // Общественные науки и современность. 2005. № 2.

Крылова И.А. Социально-философские проблемы России // Философия и общество, 2008. № 3.

Майо Смит Р. Статистика и социология. М., 1901.

Панкратов К., Турчин П. Детотрясение // Эксперт. 2010. 27 декабря.

Француз Ю.А. Демографическая теория: возможен ли синтез теорий перехода и институционализма? Доклад на II Российском экономическом конгрессе, Суздаль, 18–22 февраля 2013 г. (<http://www.econorus.org/c2013/program.phtml?vid=report&eid=1214>).

Янсон Ю.Э. Сравнительная статистика населения. СПб., 1892.

Cowgill D.O. Transition Theory as a General Population Theory // *Social Demography*. New Jersey, 1970.

Demeny P. Early Fertility Decline in Austria-Hungary: a Lesson in Demographic Transition // *Daedalus*. 1968. Vol. 97. № 2. Historical Population Studies.

Festy P. La fécondité des pays occidentaux de 1870 à 1970 // *Travaux et Documents* № 85. Paris, INED. 1979.

Kirk D. Demographic Transition Theory // *Population Studies*. 1996. Vol. 50.

Kirk D. Population Changes and the Postwar World // *American Sociological Review*. 1944. Vol. 9. № 1.

Landry A. Les trois théories principales de la population // *Scientia*. 1909.

Landry A. La révolution démographique. Paris, 1934.

Lanzieri G. Is Fertility Converging Across the Member States of the European Union? // Eurostat, Work Session on Demographic Projections. Lisbon, April 28–30, 2010.

Lee R.D., Reher D.S. Introduction: the Landscape of Demographic Transition and its Aftermath // *Population and Development Review*. Vol. 37. January 2011. Issue Supplement.

Livi Bacci M. A propos de la transition démographique // *Transitions démographiques et sociétés*. Chaire Quetelet 1992. Louvain-la-Neuve, 1995.

Marchal Ch. De la théorie géocentrique à la transition démographique : Comment meurt une théorie scientifique (<http://desiebenthal.blogspot.fr/2008/11/krach-le-suicide-du-monde-jean.html>).

Notestein F.W. Population: the Long View // *Food for the World*. Chicago, 1945.

Thompson W.S. Population // *The American Journal of Sociology*. 1929. Vol. 34. № 6.

World Population Prospects: the 2010 Revision. UN Population Division, CD-ROM Edition. 2013.

© А. Вишнеvский, 2015